

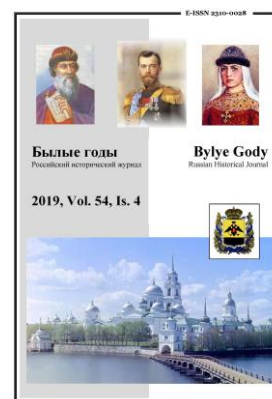
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1470-1478. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1470
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Old Believers' Re-Emigration in 1750-ies in the South of Russia: the Struggle of Approaches in Legal Policy

Andrey S. Ryazhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state religious policy of the middle of the 18th century – the least studied period in the process of formation of Russian religious tolerance in the early Modern Time. An ideological, political and legal controversy that accompanied the process of re-emigration of old believers to Russia and, accordingly, the formation of relative religious freedoms in Russia during the 1750 – 1790-ies, investigated for the first time in historiography. The author characterizes the main approaches to the re-emigration of old believers at the top on the basis of unknown archival materials. Most attention is paid to the enlightenment foundations for the interpretation of re-emigration related to understanding state interests and manifested during the period of active work of the Legislative Board of Empress Elizabeth (1754–1766). As a result, the author points that the southern program of Supreme power for the return of the old believers reflected the slow evolution of the Russian political system as a European (continental) tolerant monarchy.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, fugitive population, the southern program of re-emigration of the old believers, the Legislative Board (1754–1766), legal policy, social consciousness, religious tolerance.

1. Введение

С середины XVIII в. Российское государство перешло к политике веротерпимости. Если перед европейскими веротерпимыми монархиями раннего Нового времени в первую очередь вставали задачи урегулирования еврейского вопроса и взаимоотношений протестантов и католиков, то в России в данной связи верховная власть столкнулась, прежде всего, с необходимостью разрешить проблему старообрядческого протеста и борьбы с массовым бегством староверов за границу.

Попыткой положить конец подобному бегству явилась программа реэмиграции старообрядцев, организованная на юге местной военно-гражданской администрацией и получившая поддержку сверху. Юг России стал очагом смягчения государственной политики в делах старообрядцев не случайно. Именно здесь диктат геополитических условий, в которых оказывалась страна, был самым жестким, а дефицит податного и служилого населения – наибольшим. Поэтому старообрядчество, вытеснявшееся с конца XVII в. на окраины – на социальную и территориальную периферию общества – оказалось для властей важнейшим демографическим ресурсом для снятия острых военно-экономических трудностей (Рязhev, 2019).

Программа реэмиграции на протяжении 1750-х гг. переросла в особое направление деятельности государства и положила начало широкой либерализации в отношении старообрядцев, изменившей к лучшему их положение в России в целом. Наиболее благоприятно южная программа сказалась на состоянии малороссийских «государевых слобод». Опыт либеральной политики в

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryazhev)

отношении старообрядцев, обладавших в тогдашней России легальным статусом, был учтен также в процессе кодификации законодательства, проводившемся Уложенной комиссией 1754–1766 гг.

Развитие южной программы сопровождалось столкновением мнений и, шире, идейно-политической борьбой, охватывавшей правовую политику монархии в вероисповедной сфере в целом. Целью настоящей работы является изучение различных подходов, столкновение которых оказывало принципиальное воздействие на становление веротерпимости в России.

2. Материалы и методы

Значительное место в связи с проблематикой исследования южной программы и вероисповедной либерализации 1750-х гг. в России принадлежит источникам официального происхождения. Приоритет отдан законодательным материалам и документации, прежде всего деловым бумагам государственных учреждений по вопросам старообрядческой реэмиграции и переселения старообрядцев извне на южные окраины Российского государства. В ряду неопубликованных источников законодательного характера выделяются бумаги Уложенной комиссии императрицы Елизаветы Петровны – они обобщают практику органов власти в деле перевода беглых из-за границы в Россию с крепостнических позиций и характеризуют наличие в верхах в изучаемое время разных подходов к проблеме старообрядческой реэмиграции (Российский государственный архив древних актов, г. Москва). Среди документации о деятельности государственных учреждений важная роль отводится переписке Сената с местными учреждениями, характеризующая правительственные планы перевода беглецов-староверов на свободные земли юга. Все названные документы относятся к 1750-м гг.

Опубликованные законодательные источники (в первом полном собрании законов Российской империи и «Сенатском архиве») также имеют официальное происхождение. Они охватывают основные направления правовой политики в отношении беглого населения, связанные с положением старообрядцев-реэмигрантов на юге.

Научно-методологическая база предлагаемой статьи подразумевает наличие аналитического инструментария для обработки выявленных источников и обобщения содержащегося в них фактического материала. Выявление источников было организовано так, чтобы акцентировать основное внимание на учреждениях-фондообразователях – творцах и участниках политики реэмиграции (Уложенная комиссия императрицы Елизаветы Петровны, Сенат и его учреждения). Процедуры поиска предусматривали сплошной просмотр документальных комплексов, датированных изучаемым временем, и выявление документов в соответствии с критерием максимальной информативности. Для обобщения выявленной информации применялись проблемно-хронологический и сравнительный методы. Они дали возможность представить исчерпывающую характеристику процесса развития правовой политики. Благодаря подобным методам, удалось выявить различные трактовки старообрядческой реэмиграции, сталкивавшиеся в рамках тогдашней российской политической системы.

3. Обсуждение

Участие властей в организации старообрядческой реэмиграции представляет собой одно из принципиальных направлений российской вероисповедной политики в Новое время, изучение которой ныне является одной из актуальных тем историографии (Ряжев, 2006: 84-86). Однако современных историков в основном привлекают меры властей в отношении староверов пореформенной эпохи (Freeze, 2016: 266). Поэтому вопрос о формировании политического курса относительно старообрядцев и их возвращения на родину в ходе полемики в верхах середины XVIII в. остается в науке малоизученным.

В свое время к нему обратились церковные историки, обратив внимание на историю малороссийских старообрядческих слобод и отметив основные вехи соответствующей политики властей (Барсов, 1885; Барсов, 1890; Лилеев, 1893).

Достоинством церковной историографии начала XX в. стало внимание к осознанию государством религиозной специфики проблемы реэмиграции адептов «старой веры», соответственно, к необходимости проявлять в их отношении известную терпимость; как следствие, и в церковной литературе был воспринят отказ от негативной трактовки «бионовщины» как эпохи деградации государства и жесточайших преследований религиозных «диссидентов» (Карнович, 1873). Указывалось, что тот же Бирон имел в Курляндии репутацию покровителя евреев и латышского простонародья, отнюдь не являлся законченным обскурантом, и отсюда для старообрядцев «царствование императрицы Анны было даже благоприятным временем», а указы против них «были грозны лишь на словах» (Титлинов, 1905: 428, 429). С последними положениями ныне согласиться нельзя, но заслуживает внимания констатация в политике властей эпохи «бионовщины» элементов прагматической веротерпимости, в частности попыток наладить переселение беглых староверов на южные рубежи, в том числе на Украинскую линию.

Дореволюционный опыт светского изучения политики государства середины – второй половины XVIII в. в отношении староверов отмечен важной характеристикой вклада верховной

власти в дело возвращения беглых на родину (Соловьев, 1993: 14-17). Правоведы того времени изучали также кодификацию законов о староверах в Уложенной комиссии 1754–1766 гг. (Проект Уголовного Уложения 1754–1766 годов, 1882; Латкин, 1887; Проект Нового Уложения, 1893).

Деятельность местной военно-гражданской администрации, сохранявшей на протяжении 1750-х гг. интерес к скорейшему и массовому переселению староверов на южные земли, получила трактовку в историко-демографических исследованиях (Багалеи, 1889; Загоровский, 1913).

Новые подходы к истории религии и Церкви в России, сформировавшиеся в XX в., помогли увидеть в мерах поддержки реэмиграции староверов предельный прагматизм властей, склонных отступать в этой связи от крепостнических тенденций (Никольский, 1985). Современная литература отмечает религиозную специфику бегства из России в раннее Новое время и внимание властей к старообрядцам как экономически активной категории населения и важному демографическому ресурсу для развития южных и юго-западных окраин стран (Круглова, 1992; Мазин, 2003).

Пребывание староверов в западных и юго-западных областях Российской империи в свое время стало предметом известного интереса представителей националистической и эмигрантской украинской историографии (Шамрай, 1929; Полонська-Василенко, 1960). Привлекает оно внимание и нынешних украинских специалистов, изучающих заселение Северного Причерноморья и смежных территорий в XVIII–XIX вв. (Подов, 1998; Посуныко, 1998; Бельский, 1999; Пірко, 2004: 41-55; Волошин, 2006; Єрмакова, 2006; Макидонов, 2008). В оценках численности староверов, находивших убежище в Польше, наука по-прежнему оперирует данными польской литературы конца XIX в. и межвоенного периода (Iwaniec, 1977: 274).

4. Результаты

Первые шаги южной программы реэмиграции старообрядцев положили начало длительной борьбе мнений по поводу отношения государства к старообрядческой реэмиграции и, шире, к религиозной либерализации. Активным оппонентом южной программы был малороссийский гетман К.Г. Разумовский, выступавший за поселение зарубежных новоселов во владениях местных землевладельцев – казачьих старшин – и перевод малороссийских «государевых слобод» в гетманское ведение. Однако в борьбе с малороссийским партикуляризмом военно-гражданские администраторы Киевской губернии и Новой Сербии нашли понимание верховной власти, поддержавшей приоритетное освоение южных казенных земель (Ряжев, 2019).

Более серьезным оппонентом южной программы реэмиграции выступили противники религиозной либерализации – носители антистарообрядческих и крепостнических предрассудков при дворе и в государственном аппарате. 29 октября 1754 г. генерал-майор И.Ф. Глебов, командир Новой Сербии, доложил о выполнении сенатского распоряжения от 19 сентября о приеме переселенцев на подведомственную территорию и вновь запросил Сенат о мерах относительно прибывающих старообрядцев. Он еще и еще раз подчеркивал: пришлые обещают значительный приток своих единоверцев, если к тем за границу будут направлены представители от властей «с обнадеживанием» на предмет свободного поселения в России и отсутствия религиозных притеснений. Сведения Сенат заслушал лишь 12 декабря 1754 г., но деятельный новосербский начальник решил не дожидаться разрешения: 22 декабря он сообщил, что на свой страх и риск уже направил к «заграницным» одного из недавних «выходцов» с приглашением от имени государыни «выходить и селиться» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 88-91 об.).

В 1754–1755 гг. начала свою работу Уложенная комиссия императрицы Елизаветы Петровны. Занимаясь вопросом о старообрядцах в России, она изучила имевшиеся на тот момент законодательные предложения, поступившие от киевского вице-губернатора И.И. Костюрина и от комиссии А.А. Яковлева, созданной ранее по делу об обложении старообрядцев в г. Ржева Володимирова. Получая также известия от И.Ф. Глебова, Уложенная комиссия обратила внимание на коренные расхождения обоих проектов. Так, комиссия совершенно умалчивала и о проблеме реэмиграции, приобретавшей в свете сообщений с юга все большую важность, и о малороссийских староверах. Как следствие, Уложенная комиссия потребовала согласовать проект яковлевской комиссии с южной программой.

Однако комиссия высказала категорическое неприятие программы. Для опровержения последней она подготовила особый документ – «Записку о ветковских раскольниках, желающих выйти в Россию». В бумаге утверждалось, что материальные выгоды от реэмиграции не сопоставимы с общественным ущербом, который несет рост легального пребывания староверов в России.

«Раскольники», говорилось в «Записке...», подают челобитные о приеме их на поселение в Российскую империю и просят, чтоб им было разрешено отправлять службу по старопечатным книгам и в этом «во всем быть свободно», и «от Святейшего Правительствующего Синода... препятствия не чинить». Между тем, говорилось в документе, «состояние сего дела двоякой вид имеет: 1. Приумножение народа всеконечно [есть] государственная полза, но, против того 2. Требуется им, чтоб жить, поселение дозволить в тех местах, где они выберут, а не инде где близ находящихся в Стародубском полку раскольнических слобод, ис чего видно, что желание их в том, чтоб селитца близ полской границы...».

Придерживаясь такого желания, старообрядцы, подчеркивалось в «Записке...», стремятся сохранить нынешнее независимое от российских властей положение и бросают вызов господствующим порядкам: «чего ради часто впредь от них опасность в том..., что они не токмо в таком месте могут жить по своей воле и когда хотят жить в тех поселениях, а буде не похотят, по-прежнему в Польшу бежать и великороссийских беглых... за границу провозить, и обратно оных, яко выходцов из-за польского рубежа, у себя селить...». Что же касается разрешения на свободное дониконовское богослужение, «из того далее вред произойти может, понеже, как материя сего дела открывает... И понеже сие дело трактуется болшей частию о распространении веры, о защищении Церкви, о средствах ко умалению расколов, чего ради прибыток чаемо от тех обещанных к выходу раскольников за ничто почесть можно» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 32-35).

Наряду с «Запиской...», комиссия подготовила и вторую редакцию общих «Пунктов о раскольниках». Их направленность была аналогичной и подразумевала всемерное ужесточение преследований старообрядчества.

Однако укрепление в политике монархии элементов «просвещенного абсолютизма» оставляло преимущество за силами, поддерживавшими смягчение государственного курса в отношении старообрядчества, и предопределило судьбу трудов яковлевской комиссии. Донесения И.Ф. Глебова, поступавшие в Сенат в октябре–декабре 1754 г., то есть именно тогда, когда в Уложенной комиссии рассматривалась вторая редакция проекта комиссии А.А. Яковлева, расходились с антистарообрядческими предубеждениями, которыми эта редакция была переполнена, и выглядели более убедительными.

В итоге «Пункты о раскольниках», будучи сданными 7 февраля 1755 г. в Сенат, уже 16 февраля были оттуда возвращены. Сенатский указ гласил: «Оные пункты отдать тебе, советнику Яковлеву, обратно, которые тебе и отданы, и велеть тебе... иметь рассуждение по присланным от генерал-майора Глебова о выходе из-за рубежа раскольников в Россию доношениям и сочинить единственное положение, согласуя с вышеписанными сочиненными тобою пунктами», а по завершении переслать новый проект в Синод для консультаций.

Отклонение Уложенной комиссией проекта комиссии А.А. Яковлева не означало прекращение борьбы мнений в верхах относительно южной программы, и развитие правовой политики показывает это вполне. Важной мерой стал Манифест от 4 сентября 1755 г., подготовленный стараниями И.Ф. Глебова и его сына А.И. Глебова, обер-секретаря Сената (позже генерал-прокурора, известного деятеля эпохи царствования Петра III и Екатерины II). Здесь староверы официально пригласились на поселение близ крепости св. Елизаветы (ПСЗ. Т. 14. № 10454. С. 414, 415). Манифест принес свои плоды. С середины 1750-х гг. начинается приток беглых старообрядцев из Польши в новоучрежденный Новослободской полк. Старообрядческие общины, контакты с которыми поддерживались под эгидой И.Ф. Глебова, также считали поселение в ведомстве крепости св. Елизаветы наиболее удобным для себя.

Возможность осесть на землях Новороссии привлекала староверов не только Подолии и Бессарабии, но и Белоруссии. Вскоре в переговоры с властями вступил поверенный витебской старообрядческой общины. «Сего 756 года мая 19 числа, – говорилось в донесении Киевской губернской канцелярии в Сенат, – Малороссийского Стародубского полку... слободы Шеломов житель Михайла Михайлов, явясь в Киевскую губернскую канцелярию, подал при доношении своем приложенное к нему от живущего за границею в литовском городе Вытепске российского беглеца Гаврилы Иванова оригинальное письмо, в котором он, Иванов, обнадеживает со многими такими российскими беглецами выходить оттуда в Россию по-прежнему...».

В письме раскрывались виды староверов на переселение: «... между таковыми совет таков положен, ежели де и в находящиеся де в России... расколнические слободы переходить позволено будет, то де и тамо мест таких не имеется, то где же им жить, которые имеют себе пропитание от черной работы, ибо де в тех российских расколнических [слободах] пахотных и сеножатных, и протчих к их надобности мест за оскудением не имеется».

Соответственно, гласило письмо, новые пришельцы не сумеют устроиться в слободах, «окромя разве толко [тех из них], которые торгом пропитание себе имеют, да и то де не без утеснения...». Отсюда «загранишние» просили Михайлова хлопотать о зачислении их на казачью службу «поближе к Киевской губернии». Если власти откликнутся, полагали челобитчики, «то бы де они хотя как и донския казаки могли служить, потому что весь народ вольной и неустарелой, а по большей части которые из бурлаков, те со охотою желают быть в казачестве». Если выполнение этой просьбы окажется невозможным, то просители изъявляли готовность жить в Воронежской губернии «по Дону и малым речкам» подобно малороссийским слобожанам, то есть на положении «государевых крестьян» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1491. Л. 4 и об, 10, 13).

Проект сенатского определения по делу, датируемый 5 августа – 11 сентября 1756 г., вышел неоднозначным. В документе говорилось, что выходу староверов из-за границы следовало бы содействовать, но есть опасность, что «раскольники» будут распространять свое «лжеучение», а посему не следует их гласно обнадеживать новыми обещаниями. Более того, благосклонное отношение Сената к поступившему от витебских староверов «оригинальному письму» следует «ныне

содержать... в вышшем секрете, чтоб оные раскольники и никто о том знать не могли; и для того о вышписанном в указах никуда не писать, токмо для ведома в Святейший Правительствующий Синод сообщить». Что же касается поверенного витебских староверов Михайлова, то его следует отослать обратно, дабы объявил о свободном въезде в Россию «по силе указов» Анны Иоанновны (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1491. Л. 28 об.). Однако данными указами предусматривалась не свобода поселения в «государевых слободах» или выбора рода занятий, а «прощение вин за побеги» и отправка «на прежние жителства» и к прежним помещикам.

Елизавете Петровне документ не подали, и в архиве он оказался «без Высочайшей конфирмации»: по всей видимости, составители осознавали вопиющие внутренние противоречия документа и его расхождение с набиравшей силу практикой южной программы. Но смысл появления такой бумаги понятен: власти были заинтересованы в людях, способных работать, платить, служить, свободное же и гласное возвращение староверов на родину вызывало опасения. Задача поддержки старообрядческой реэмиграции уже стояла в повестке дня, тем не менее, решиться на нее властям было трудно: преиятием служило и негативное отношение господствовавшей Церкви к данному процессу, и убеждение в том, что староверы по определению являются разрушителями верноподданнических чувств и обязательств простонародья.

Южная программа реэмиграции способствовала развитию военно-феодальной системы на окраинных территориях государства. В противовес этому проявлялись общие крепостнические тенденции: так, в конце 50-х гг. XVIII в. возытели место попытки ограничить приток русских новоселов в казенные и дворцовые вотчины. Сказывались и рецидивы прежнего (аннинского) курса на принудительное возвращение «загранишных» беглецов – помещичьих крестьян «к прежним жилищам». Русские выходцы из Польши и Литвы, добровольно возвращавшиеся в Россию, могли определиться на службу в иррегулярные территориальные войска на юге или на казенные работы. Между тем в конце 1750-х гг. Сенат планировал ввести жесткое ограничение этой минимальной свободы: в частности, на крепостные работы в Оренбург и Ригу предлагалось отправлять только людей, родившихся в Польше и не помнивших родства, но никак не тяглецов, бежавших от помещиков.

Однако широкая потребность в труде «загранишных» оказалась гораздо сильнее. В марте 1759 г. с южной программой фактически солидаризировался рижский губернатор князь Долгоруков, обращавшийся в Сенат по своим вопросам, но по содержанию таковых выступавший в унисон с киевским вице-губернатором И.И. Костюриным. Долгоруков сообщал Сенату, что ограничительные указы вызывают сокращение численности «выходцов» из Польской Лифляндии, коих в Риге не меньше, чем «выходцов» из остальной Речи Посполитой в Новороссии. Между тем, продолжал обеспокоенный прибалтийский администратор, именно «загранишные», среди которых много помещичьих крестьян, составляли основную рабочую силу на строительстве портовых сооружений и укреплений. Скорейшее завершение этого строительства губернатор считал первоочередной задачей. Поэтому он просил Сенат, чтобы на данном фронте работ не только не запрещать труда беглых крепостных, но и, напротив, использовать его шире. Чтобы успокоить заволновавшихся было работников, предстояло, по мнению Долгорукова, выдать беглецам гарантии от попадания в частновладельческую зависимость, например, по окончании постройки крепостей записывать добровольцев из беглых крестьян на военную службу (не помнящих родства планировалось зачислять в солдаты обязательно).

Сенат согласился с предложениями рижского губернатора, и проект манифеста после обсуждения его формуляра был представлен на подпись Елизавете Петровне (СА. Т. XI. С. 55-57, 166, 167). Манифест обнародовали 5 ноября 1759 г. (ПСЗ. Т. 15. № 11007. С. 388). Тогда же или несколько позже, около 1761 г., партии «российских выходцов» были приписаны к «Ригскому дворцовому ведомству» и к Новгородской дворцовой волости, хотя в документах не сказано о том, имели ли при этом место какие-либо «ослабления» собственно для староверов (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1487. Л. 110 об-112 об, 114-116; Д. 1578. Л. 653). На судьбах старообрядческой эмиграции на юге данные решения впоследствии сказались благоприятно.

Разногласия по поводу отношения к староверам-реэмигрантам проявились и в проектах надворного советника А. Свечина, поступавших в Конференцию при Высочайшем дворе. В первом, недатированном проекте Свечин выступал как крепостник-ортодокс, предлагая сильнее надавить на «загранишных раскольников». По его мнению, сначала следовало организовать в Польшу военную экспедицию, задачей которой была бы агитация русского населения за возвращение и одновременная разведка мест его скопления. Далее надлежало определить жесткий срок для добровольного выхода беглых и амнистию тем, кто уложится в данный срок, и всех «выходцов»-добровольцев «разобрать» по прежним хозяевам. Снисхождения, считал Свечин, заслуживали только престарелые и не помнящие родства беглецы: их предлагалось поселить «в удобных местах с окладом против однодворцев и черносошных крестьян». Беглецов же, которые «срочный термин к выходу» пропустят и добровольно не выйдут, должно постигнуть «изыскание строгое» – новая «выгонка» наподобие той, что имела место в 1735 г. в отношении крупнейшего центра старой веры в Польше и Литве – Ветковских старообрядческих слобод.

Второй, более поздний документ Свечина, помеченный маем 1761 г., по содержанию совершенно иной. Автор в просветительском духе входил в рассуждения о государственных выгодах от возвращения «раскольников» и с жаром доказывал, что оно обернется существенным приростом окладного населения. Свечин писал, что бытность его в Польше по провиантской части в минувшую кампанию Семилетней войны он находил данные о 10 876 лицах «одного мужеска пола в совершенном возрасте», которым выдавались паспорта для въезда в Россию. Всего же «тех беглых, в Польше обретающихся, – отмечал Свечин, – превеликое множество, не менее как до миллиона простирается, из них же по большой части все люди зажиточные и в рекруты очень годные». Если правительство даст обещание не преследовать их за «раскол» и всех поселить в одном месте «без разбору» по помещикам, то беглецы, как с воодушевлением продолжал надворный советник, готовы не только платить обычный сорокаалтынный оклад, но и дать к нему прибавку, а также в счет каждого рекрута, причитающегося с них, вносить по 500 рублей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 427. Л. 2, 3, 6-9).

Сенат не стал рассматривать поданные проекты: к тому времени в отношении беглецов-«раскольников» действовали предложения И.Ф. Глебова, вторым же государственным полигоном реэмиграции, наряду с Новой Сербией, стал Новослободской полк, куда с середины 1750-х гг. староверы из Польши и направлялись. Южная программа подтверждала свою жизненность и важность для государства.

5. Заключение

Таким образом, верховная власть в правовой полемике относительно старообрядческой реэмиграции последовательно выдерживала либеральный подход, отвергая как партикуляризм (в данном случае малороссийский), так и централизаторские рецидивы оголтелого крепостничества и, соответственно, всемерно поощряя и способствуя притоку староверов из-за границы. В основаниях подобной политики лежал предельный прагматизм, однако они отнюдь не исчерпывались только прагматизмом. Важный шаг в движении российской веротерпимости, начало которому положила южная программа реэмиграции, был обусловлен устойчивыми просветительскими тенденциями во властной сфере и общественном сознании.

Южная программа возвращения староверов с ее настойчивыми апелляциями к «государственному интересу», «государственной пользе», соответствующий идейный дискурс, определявший обстановку обсуждения проблем религиозной политики, отражали медленную эволюцию российской политической системы по типу европейской (континентальной) веротерпимой монархии. Подобная эволюция охватывала именно вторую половину 50-х гг. XVIII в. и воплотилась затем в более широкой программе религиозной либерализации, проведенной Екатериной II.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

Литература

- Багале́й, 1889** – *Багале́й Д.И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Киев, 1889. 115 с.
- Барсов, 1885** – *Барсов Е.В.* Описание актов архива Маркевича, относящихся к истории стародубских скитов с картой скитов и их владений. М., 1885. 11 с.
- Барсов, 1890** – *Барсов Е.В.* Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е.В. Барсовым. М., 1890. XII, 243 с.
- Бельский, 1999** – *Бельский А.В.* Расселение старообрядцев в Левобережной и Слободской Украине в XVII–XIX вв. // *Культура народов Причерноморья.* 1999. № 9. С. 60-65.
- Волошин, 2006** – *Волошин Ю.В.* Урядова політика щодо російських старообрядців на Стародубщині у XVIII ст. // *Український історичний журнал.* 2006. № 1. С. 14-27.
- Єрмакова, 2006** – *Єрмакова І.О.* Заселення півдня України у другій половині XVIII ст. старообрядцями // *Наукові праці (історичні науки).* 2006. Т. 62. Випуск 49. С. 7-12.
- Загоровский, 1913** – *Загоровский Е.А.* Очерки по истории славянской колонизации в Новороссии в XVIII веке. Сербские военные поселения // *Военно-исторический вестник.* 1913. № 1. С. 63-85.
- Карнович, 1873** – *Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // *Отечественные записки.* 1873. № 10. С. 542-577; № 11. С. 95-127.
- Круглова, 1992** – *Круглова Т.А.* Отношение старообрядческих общин Левобережной Украины к правительственной политике во второй половине XVIII в. // *Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки.* Новосибирск, 1992. С. 288-294.
- Латкин, 1887** – *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России XVIII ст. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1887. XII, 595 с.

- Лилеев, 1893** – Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1893. 2, XXIII, 3-278, V, 1 с.
- Мазин, 2003** – Мазин К.А. Религиозная эмиграция из дореволюционной России (краткий историографический очерк) // *Исторические записки*. 2003. № 6 (124). С. 241-295.
- Макидонов, 2008** – Макидонов А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье, 2008. 140 с.
- Никольский, 1985** – Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. 448 с.
- Пірко, 2004** – Пірко В.О. Заселення і господарське освоєння Степової України в XVI–XVIII ст. Донецьк, 2004. 224 с.
- Подов, 1998** – Подов В.И. Славяносербия. Очерки из истории заселения Донбасса в 18 в. Документы. Луганск, 1998. 120 с.
- Полонська-Василенко, 1960** – Полонська-Василенко Н.Д. Заселення Південної України в половині XVIII ст. (1734–1775). Мюнхен, 1960. Ч. 1. 222 с.; Ч. 2. 187 с.
- Посунько, 1998** – Посунько О.М. Історія Нової Сербії та Слов'яносербії. Запорижжя, 1998. 79 с.
- ПСЗ** – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 14 (1749–1753). 962 с.; Т. 15. (1758 – 26 июня 1762). 1050 с.
- Проект Нового Уложения, составленный...** – Проект Нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754–1766 гг. (Часть III, «О состоянии подданных вообще»). СПб, 1893. X, 285 с.
- Проект Уголовного Уложения...** – Проект Уголовного Уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены. СПб., 1882. 20, 208 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Ряжев, 2006** – Ряжев А.С. Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // *История и историки*. 2005. М., 2006. С. 84-126.
- СА** – Сенатский архив. Протоколы Правительствующего Сената. Указы и повеления императрицы Екатерины II. Т. XI. СПб., 1904. [1], 483, 23 с.
- Соловьев, 1993** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23 / Сочинения в 18 книгах. Кн. XII. М.: Мысль, 1993. 688 с.
- Титлинов, 1905** – Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильна, 1905. XI, 466, II, [1] с.
- Шамрай, 1929** – Шамрай С.В. До історії залюднення Степової України в XVIII ст. (Крилівщина і Лизаветчина) // *Записки Исторично-Філологічного Відділу ВУАН*. 1929. Кн. XXIV. С. 207-302.
- Freeze, 2016** – Freeze G.L. Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography // *Bylye Gody*. 2016. Т. 39. № 1. С.261–281.
- Iwaniec, 1977** – Iwaniec E. Z dziejow staroobrzędowcow na ziemiach polskich XVII–XX ww. Warszawa, 1977. 294 p.
- Ryazhev, 2019** – Ryazhev A.S. Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3: 1008-1016.

References

- Bagalei, 1889** – Bagalei D.I. (1889). Kolonizatsiya Novorossiiskogo kraja i pervye shagi ego po puti kul'tury. Istoricheskii etud [Colonization of New Russia region and its first steps on the path of culture. Historical essay]. Kiev. 115 p. [in Russian]
- Barsov, 1885** – Barsov E.V. (1884). Opisanie aktov arkhiva Markevicha, otnosyashchikhsya k istorii starodubskikh skitov s kartoyu skitov i ikh vladenii [Description of papers from the personal archive of nobleman Markiewicz relating to the history of Starodub hermitages with a map of the cloisters and their possessions]. Moscow, 11 p. [in Russian]
- Barsov, 1890** – Barsov E.V. (1890). Novye materialy dlya istorii staroobryadchestva XVII-XVIII vekov, sobrannye E.V. Barsovy [New materials for the history of Old Believ during the 17th and 18th centuries, collected by E.V. Barsov]. Moscow. XII, 243 p. [in Russian]
- Bel'skii, 1999** – Bel'skii A.V. (1999). Rasselenie staroobryadcev v Levoberezhnoj i Slobodskoj Ukraine v XVII-XIX vv. [Settlement of old believers in the left-Bank and Slobodskaya Ukraine in 17-19th centuries]. Kul'tura narodov Prichernomor'ya. № 9. P. 60-65. [in Russian]
- Freeze, 2016** – Freeze G.L. (2016). Confessions in Imperial Russia: analytical overview of historiography. *Bylye Gody*, Vol. 39, Is. 1: 261-281.
- Iwaniec, 1977** – Iwaniec E. (1977). Z dziejow staroobrzędowcow na ziemiach polskich XVII–XX ww. [From the history of the old believers in the Polish lands, XVII–XX centuries.]. Warszawa. 294 p. [in Polish]
- Karnovich, 1873** – Karnovich E.P. (1873). Znachenie bironovshchiny v russkoj istorii [The essence of Biron epoch in Russian history]. *Otechestvennye zapiski*, N 10. P. 542–577; N 11. P. 95-127. [in Russian]
- Kruglova, 1992** – Kruglova T.A. (1992). Otnoshenie staroobryadcheskikh obshchin Levoberezhnoi Ukrainy k pravitel'svennoi politike vo vtoroi polovine XVIII v. [The attitude of the old believers' communities of the Left-Bank Ukraine to the government policy in the second half of the 18th century].

- Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poselenii v stranakh Evropy, Azii i Ameriki. Novosibirsk. P. 288-294. [in Russian]
- Latkin, 1887** – *Latkin V.N.* (1887). Zakonodatel'nye komissii v Rossii XVIII stoletiya. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie [Legislative Commission in Russia in the 18th century. Historical and law research]. Vol. 1. Saint-Petersburg. XII, 595 p. [in Russian]
- Lileev, 1893** – *Lileev M.I.* (1893). Novye materialy dlya istorii raskola na Vetke i v Starodub'e XVII–XVIII vv. [New materials for the history of the Russian Church schism in Vetka and Starodub'e during the 17th and 18th centuries]. Kiev. 2, XXIII, 3-278, V, 1 p. [in Russian]
- Makidonov, 2008** – *Makidonov A.V.* (2008). K svetskoi i tserkovnoi istorii Novorossii (XVIII-XIX vv.) [To the secular and ecclesiastical history of New Russia (18 – 19th centuries)]. Zaporozh'e. 140 p. [in Russian]
- Mazin, 2003** – *Mazin K.A.* (2003). Religioznaya emigratsiya iz dorevolutsionnoi Rossii (kratkii istoriograficheskii ocherk) [Religious emigration from pre-revolutionary Russia (brief historiographical essay)]. *Istoricheskie zapiski*. № 6 (124). P. 241-295. [in Russian]
- Nikol'skii, 1985** – *Nikol'skii N.M.* (1985). Istoriya ruskoj tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow. 448 p. [in Russian]
- Pirko, 2004** – *Pirko V.O.* (2004). Zaselennya i gospodars'ke osvoennya Stepovoï Ukraïni v XVI–XVIII st. [The settlement and economic development of the Steppe Ukraine in the 16–18th centuries] Donec'k. 224 p. [in Ukrainian]
- Podov, 1998** – *Podov V.I.* (1998). Oчерki iz istorii zaseleniya Donbassa v 18 v. Dokumenty [The Slavo-Serbia. Essays from the history of settlement of Donbass in the 18th century. Documents]. Lugansk. 120 p. [in Russian]
- Polons'ka-Vasilenko, 1960** – *Polons'ka-Vasilenko N.D.* (1960). Zaselennya Pivdennoï Ukraïni v polovini XVIII st. (1734–1775) [Settlement of southern Ukraine in the half of XVIII century]. Munich. Part 1. 222 p.; Part 2. 187 p. [in Ukrainian]
- Posun'ko, 1998** – *Posun'ko O.M.* (1998). Istoriya Novoi Serbii ta Slov'yanoserbii [History of the New Serbia and Slavyanoserbia]. Zaporizhzhya. 79 p. [in Ukrainian]
- Proekt Novogo Ulozheniya, sostavlennyj...** – Proekt Novogo Ulozheniya, sostavlennyj zakonodatel'noj komissiej 1754–1766 g.g. (Chast' III, «O sostoyanii poddannyh voobshche») [The bill of the New Code drawn by the Legislative Board of 1754-1766 (Part III, "About the state of subjects in general")]. Saint-Petersburg, 1893. X, 285 p. [in Russian]
- Proekt Ugolovnogo Ulozheniya...** – Proekt Ugolovnogo Ulozheniya 1754–1766 godov. Novoulozhennoj knigi chast' vtoraya: O rozyksnyh delah i kakie za raznye zlodejstva i prestupleniya kazni, nakazaniya i shtrafy polozeny [The Draft Criminal Code of 1754-1766. The second part of the Book of the New Code: About the crime investigation and kinds of execution, penalties and fines for the different villainy and crimes]. Saint-Petersburg, 1882. 20, 208 p. [in Russian]
- PSZ** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1830. Vol. 13 (1749-1753). 962 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient chartes].
- Ryazhev, 2006** – *Ryazhev A.S.* (2006). Verisповедnaya politika russkogo «prosveshchennogo absolyutizma»: istoriya izucheniya [Religious policy of Russian "enlightened absolutism": history of study]. Istoriya i istoriki [History and historians]. 2005. Moscow. P. 84-126. [in Russian].
- Ryazhev, 2019** – *Ryazhev A.S.* (2019). Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities. *Bylye Gody*, Vol. 53, Is. 3: 1008-1016.
- SA** – Senatskij arhiv. Protokoly Pravitel'stvuyushchego Senata. Ukazy i poveleniya imperatricy Ekateriny II [The Senate archives. Minutes of the Ruling Senate. Decrees and Orders of Empress Catherine II]. Vol. XI. Saint-Petersburg, 1904. [1], 483, 23 p. [in Russian]
- Shamrai, 1929** – *Shamrai S.V.* (1929). Do istorii zalyudnennya Stepovoï Ukraïni v XVIII st. (Krilivshchina i Lizavetchina) [About the history of the settlement of Steppe Ukraine in the 18th century (Crilev and St. Elisabeth fortress regions)]. *Zapiski Istorichno-Filologichnogo Viddilu VUAN*. Issue XXIV. P. 207-302. [in Ukrainian].
- Solov'yov, 1993** – *Solov'yov S.M.* (1993). Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon. T. 23 [History of Russia since ancient times. Vol. 23]. Solov'yov S.M. Sochineniya v 18 knigah. Book 12. Moscow. 688 p. [in Russian]
- Titlinov, 1905** – *Titlinov B.V.* (1905). Pravitel'stvo imperatricy Anny Ioannovny v ego otnosheniyah k delam pravoslavnoj cerkvi [The government of Empress Anna Ioannovna in its relations to the Affairs of the Orthodox Church]. Vil'na. XI, 466, II, [1] p. [in Russian]
- Voloshin, 2006** – *Voloshin Yu.V.* (2006). Uryadova politika shchodo rosijs'kih staroobryadciv na Starodubshchini u XVIII st. [Governmental policy relatively the Russian old believers on Starodubshchina in the 18th century]. *Ukraïns'kii istorichnii zhurnal*, N 1. P. 14-27. [in Ukrainian]
- Yermakova, 2006** – *Yermakova I.A.* (2006). Zaselennya pivdnya Ukraïni u drugii polovini XVIII st. staroobryadcyami [Settlement of the old believers on southern Ukraine in the second half of the 18th century]. *Naukovi praci (istorichni nauki)*, Vol. 62. Issue 49. P. 7-12. [in Ukrainian]

Zagorovskii, 1913 – Zagorovskii E.A. (1913). Ocherki po istorii slavyanskoi kolonizatsii v Novorossii v XVIII veke. Serbskie voennye poseleniya [Essays on the history of Slavic colonization in New Russia during the 18th century. Serbian military settlements]. *Voenno-istoricheskii vestnik*, № 1, pp. 63-85. [in Russian]

Старообрядческая реэмиграция в 1750-е гг. на юге России: борьба подходов в правовой политике

Андрей Сергеевич Ряжев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена государственной вероисповедной политике середины XVIII в. – наименее исследованному периоду в процессе становления российской веротерпимости в раннее Новое время. Впервые в историографии изучена идейно-политическая и правовая полемика, сопровождавшая процесс реэмиграции старообрядцев в Россию, и, соответственно, становление относительных религиозных свобод в России на протяжении 1750–1790 гг. На основе малоизвестных материалов, в том числе неопубликованных, дана характеристика основных подходов к старообрядческой реэмиграции в верхах. Наибольшее внимание в статье уделено просветительским основаниям трактовки реэмиграции, связанным с пониманием государственных интересов и проявившимся в период активной работы Уложенной комиссии 1754–1766 гг. В итоге автор констатирует, что правительственная южная программа возвращения староверов отражала медленную эволюцию российской политической системы по типу европейской (континентальной) веротерпимой монархии.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, беглое население, южная программа реэмиграции старообрядцев, Уложенная комиссия 1754–1766 гг., правовая политика, общественное сознание, веротерпимость.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)